

УДК 811.161.1

И. О. Ковалевич

Кандидат филологических наук, доцент, первый проректор,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь

ОККАЗИОНАЛИЗМЫ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ЗВУКОВЫХ ОБРАЗОВ В ПОЭЗИИ С. ЕСЕНИНА

Настоящая статья посвящена исследованию особенностей окказионального словотворчества С. Есенина как способа выражения его индивидуального звуковосприятия. Окказиональные дериваты со значением звучания анализируются в аспекте их частеречной отнесенности и словообразовательной структуры. Выявлена способность окказионализмов данного типа развивать дополнительные тропеические качества и вступать во взаимодействие с иными тропами в рамках развёрнутых метафорических структур. Установлено, что созданию сложных чувственных образов способствует сочетание в едином контексте звуковых, цветовых, осязательных, обонятельных ассоциаций.

Ключевые слова: окказионализм, словотворчество, звуковой образ, тропеическая образность, звуковые ассоциации, одушевление.

Введение

Художественная литература, в частности поэзия, представляет собой особое коммуникативное пространство, отличающееся от других жанрово-стилевых разновидностей дискурса не только своей мелодичностью, ритмико-метрической композицией, но и особой экспрессией и образностью. В силу этого поэтическое слово выступает в качестве особой эстетической категории, в которой отражается индивидуальное восприятие поэтом окружающего мира через его чувственно-эмоциональный опыт.

В этом плане особый интерес у исследователей вызывает поэзия С. Есенина, поскольку в ней прослеживается очень сильное чувственное начало, раскрывающее всю уникальность мировосприятия и мироощущения поэта. Эту особенность есенинского творчества Ю. Л. Прокушев назвал «лирическим чувствованием» [1]. И. Захариева характеризует лирику С. Есенина как ориентированную на воспевание красоты родной земли, «расцвеченной светлыми, радужными красками, благоуханной и музыкально гармоничной» [2]. С этой целью поэт создаёт многообразие ярких чувственных образов, исследованию которых посвящены многие научные работы (О. Е. Воронова, О. С. Жаркова, П. В. Перельгин, А. В. Сухов, С. А. Щербаков и др.). По мнению А. В. Сухова, одним из главных средств выражения так называемого «лирического чувствования» поэта является именно музыкальная образность его поэтического слова [3, с. 3].

Цель настоящей статьи заключается в выявлении особенностей окказионального словотворчества С. Есенина как способа выражения его индивидуального звуковосприятия.

Методы и методология исследования

Методологическую основу настоящего исследования составили научные труды, посвящённые теории художественного текста (В. В. Виноградов, А. Н. Кожин, Ю. М. Лотман и др.), образной номинации (Л. М. Васильев, А. М. Кузнецов, П. А. Лекант, О. Н. Селиверстова и др.), окказиональной деривации (Е. А. Земская, А. Г. Лыков, В. В. Лопатин и др.), языковой личности (Г. И. Богин, Е. В. Гольдин, Ю. Н. Караулов, О. Б. Сиротинина и др.), творчеству С. Есенина (Р. В. Алимпиева, С. В. Бабулевич, О. Е. Воронова, О. С. Жаркова, В. В. Коржан, Н. Кравцов, Б. В. Нейман, П. В. Перельгин, Ю. Л. Прокушев, В. А. Сухов, С. А. Щербаков и др.).

Материал исследования составляют окказиональные дериваты со значением звучания, отобранные методом сплошной выборки из поэтических текстов С. Есенина.

Были использованы следующие методы исследования: метод лингвистического описания с элементами компонентного анализа, структурный, семантический, словообразовательный, стилистический, контекстуальный анализ.

Результаты исследования и их обсуждение

В результате проведённого исследования установлено, что окказионализмы разной частеречной отнесённости используются поэтом в качестве средств создания звуковых образов.

К элементам есенинской звукописи относятся окказиональные субстантивы второго склонения, мотивированные звукоподражательными глаголами и образованные способом нулевой суффиксации: *Заунывным карком / В тишину болот / Чёрная глухарка / К всеошной зовёт...* [4, с. 40]; *Не совиный ух зашурлся, / не волчья пасть оскалилась...* [4, с. 324]; *Гнев рабов – не кобылий фырк...* [4, с. 346]; *Тянусь к теплу, вдыхаю мягкость хлеба / И с хруптом мысленно кусаю огурцы...* [4, с. 70]; *Я пастух, мои палаты – / Межи зыбистых полей, / По горам зелёным – скаты / С гарком гулких дупелей...* [4, с. 53]; *Там с вызвоном блюда / Прохлада куста, / И рыжий Иуда / Целует Христа...* [4, с. 226] и др. Посредством нулевой суффиксации могут создаваться также и отглагольные субстантивы третьего склонения: *Серым веретём стоят шалаши, / Глухо баюкают хлюпь камыши...* [4, с. 60].

Подобные дериваты представляют собой своего рода «осколки» мотивирующих глаголов. Ср.: *каркать – карк, ухать – ух, фыркать – фырк, хруптать – хрунт, гаркать – гарк, вызванивать – вызвон, хлюпать – хлюпь*. Краткость формы усиливает создаваемый поэтом эффект, придавая звучанию некий динамизм и энергичность. В. В. Лопатин указывает на то, что вышеперечисленные новообразования выступают своего рода аналогами узальных субстантивов на *-ни|ј|*, а через структурное преобразование происходит обновление общеупотребительных слов [5, с. 144]. Посредством эпитетов могут создаваться дополнительные звуковые ассоциации. Так, например, прилагательное *заунывный*, определяющее окказионализм *карк*, добавляет определённый эмоциональный оттенок – тоскливый, наводящий уныние.

Зафиксированы случаи производства отглагольных субстантивов посредством таких непродуктивных в литературном языке суффиксов, как *-н(я)*, *-от(а)*, *-нь*, *-ень*: *И кричат они, / И вопят они. / От такой крични / Загаши огни...* [4, с. 382]; *Вижу сад в голубых накрапах, / Тихо август прилёг ко плетню. / Держат липы в зелёных лапах / Птичий гомон и щебетню...* [4, с. 132]; *А в окне на сени скатые, / От пугливой шумоты, / Из углов щенки кудлатые / Заползают в хомуты...* [4, с. 50]; *То слышится звань, / Звань к оружию под каждой оконницей...* [4, с. 349]; *Ведь радость бывает редко, / Как вешняя звень поутру, / И мне – чем сгивать на ветках – / Уж лучше сгореть на ветру...* [4, с. 158]; *Наша печь как-то дико и странно / Завывала в дождливую ночь. / Голос громкий и всхлипень зычный, / Как о ком-то погибшем, живом / Что он видел, верблюд кирпичный, / В завывании дождевом?..* [4, с. 132] и др. Данные форманты несут дополнительную смысловую и стилистическую нагрузку. Так, например, суффикс *-н(я)* содержит дополнительный оттенок интенсивности действия, выраженного мотивирующей основой (ср.: *крик* и *кричня*). Созданию данного эффекта также способствует употребление в предшествующем контексте двух глаголов звучания со значением разной степени интенсивности обозначаемого ими действия. При этом их перечисление в определённой последовательности создаёт эффект нарастания степени качества, что и обуславливает употребление данного окказионализма в последующем контексте (ср.: *кричат – вопят – кричня*). Суффикс *-от(а)*, в свою очередь, характеризуется увеличенной валентностью, которая достигается за счёт расширения производящей базы словообразовательного типа. В языковом узусе данный суффикс сочетается с глаголами, обозначающими физиологические процессы и физические состояния (ср.: *дремота, ломота, цкота* и др.) [6, с. 358]. Кроме того, данные форманты добавляют звучанию некие народные мотивы, поскольку несут оттенок просторечности и разговорности. Окказиональные дериваты, сочетаясь с другими лексическими единицами со значением звучания, выступают в качестве элементов развернутых метафорических конструкций. Это хорошо прослеживается в последнем фрагменте поэтического текста, в котором деревенская печь уподобляется живому существу – верблюду (ср.: *кирпичный верблюд*). Данное уподобление усиливается звуковыми метафорами: доносящийся из дымохода шум ветра и дождя напоминает трубные звуки, издаваемые животными (ср.: *печь дико завывала, голос громкий, всхлипень зычный, завывание дождевое*).

Зафиксирован случай производства сложного субстантива, имеющего структуру билексемы: *Уведу тебя под склоны / В шелкопряные поля. / Ой ли гусли-самозвоны, / Псалмопенья ковыля* [7, с. 297]. Данное новообразование характеризуется ярко выраженной метафоричностью, поскольку компонент *самозвоны*, выступая в качестве средства характеристики музыкального инструмента, наделяет его способностью самостоятельно, без участия музыканта, исполнять музыку и тем самым вдыхает душу в неживой объект. Данная тропеическая единица взаимодействует с другой метафорой – *псалмопенья ковыля*, которая продолжает тематику олицетворения через музыкальное исполнительство, в данном случае пение.

Компонент *звон* также используется для производства окказионального композита субстантивной отнесённости *стозвон*, от которого в дальнейшем образуется прилагательное *стозвонный*: *Поёт зима – аукает, / Мохнатый лес баюкает / Стозвоном сосняка...* [4, с. 27]; *Край любимый! Сердцу снятся / Сирды солнца в водах лонных. / Я хотел бы затеряться / В зеленях твоих стозвонных...* [4, с. 45]. Данные окказионализмы за счёт содержащегося в их структуре компонента *сто* выражают высокую степень характеризующего объект признака, что позволяет рассматривать их в качестве индивидуально-авторских гиперболических.

Окказиональные адъективы, характеризующиеся особой тропеической образностью, широко используются поэтом для создания звуковых ассоциаций. При этом в рамках композита качество звучания может соотноситься с иными характеристиками объекта, что способствует описанию его разных сторон: *Ни друга, ни думы о бабьих губах / Не зреет в её тихомудрых словах, / Но есть в ней, как вера, живая мечта...* [8, с. 100]; *Плач несознательный досаждает, / Не славят музы голос бед. / Из меднолающих громадин / Салют последний даден, даден, / Того, кто жил – уж больше нет...* [4, с. 305]. Так, например, окказионализм *тихомудрый* характеризует как содержательную, так и физическую сторону речи (ср.: *тихомудрые слова*). Адъектив *меднолающий* в своей структуре содержит два компонента, первый из которых указывает на материал, а второй – на характеристику объекта по совершаемому им действию. При этом мотивирующий глагол обозначает именно характер звучания. Данный эпитет употреблен в отношении крупного огнестрельного орудия, которое на основе звуковых ассоциаций уподобляется живому существу: во время выстрела орудие производит громкие отрывистые звуки, которые чем-то напоминают собачий лай. В данном случае ещё можно проследить реализацию эмотивного компонента семантики окказионализма, поскольку лай способен вызвать у человека чувство беспокойства и даже страха.

Звуковые образы могут также передаваться посредством образования сложных адъективов с опорными глагольными либо субстантивными основами. В качестве мотивирующей основы выступают глаголы звучания либо речи: *У побережья зелёного, / Наклонив головки нежные, / Переищтывались лилии / С ручейками тихозвонными...* [8, с. 48]; *Колокольчик сереброзвонный, / Ты поёшь? Иль сердцу снится?..* [4, с. 73]; *Ой, удал и многосказен / Лад весёлый на пыжну. / Запевай, как Стенька Разин / Утопил свою княжну...* [4, с. 42]; *И не отдам я эти цепи, / И не расстанусь с долгим сном, / Когда звенят родные степи / Молитвословным ковылем...* [4, с. 71]. Окказионализм *сереброзвонный* содержит сравнение, поскольку уподобляет звучание колокольчика нежному звону серебра, напоминающему мелодию. Кроме того, следует отметить, что перечисленные выше окказионализмы являются компонентами развернутых метафорических конструкций, в рамках которых происходит олицетворение представителей флоры – лилий, колокольчиков, ковыля – и иных неживых объектов. Олицетворение происходит за счёт наделения данных объектов речевой способностью, например, говорить, петь: лилии шепчутся с ручейками (ср.: *переищтывались лилии с ручейками тихозвонными*), ковыль читает молитву (ср.: *молитвословный ковыль*), музыкальная мелодия что-то повествует (ср.: *лад многосказен*) и др.

При образовании окказиональных прилагательных определённый звуковой эффект может создаваться посредством структурных преобразований узуальных слов: *Ей все бластился в колючем дыме выстрел, / Кольхалася в глазах лесная топь. / Из кустов косматый ветер взбыстрил / И рассыпал звонистую дробь...* [4, с. 88]; *Выйдут парни, выйдут девки / Славить зимни вечера, / Голосатые запевки / Не смолкают до утра* [8, с. 44]. В первом текстовом фрагменте мы наблюдаем случай изменения словообразовательных отношений, в результате чего качество звучания дроби толкуется через действие (ср.: *звон – звонкий и звонить – звонистый*). Формат *-ист-* указывает на склонность к совершению действия. Окказионализм *голосатый*, в свою очередь, выступает результатом замены суффикса *-ист-* на *-ат-*, за счёт чего происходит столкновение двух значений: 'наделенный качеством, выраженным мотивирующей основой' (ср.: *голосистый*) и 'характеризующийся ярко выраженным внешним признаком' (ср.: *зубатый, носатый* и др.).

В сфере глагольной деривации зафиксированы случаи производства следующих окказионализмов со значением звучания: *Топи да болота, / Синий плат небес. / Хвойной позолотой / Взвенивает лес...* [4, с. 61]; *А ныне я в твою безгладь / Пришел, не ведая причины: / Родной ли прах здесь обрыдаты / Иль подсмотреть свой час кончины!..* [4, с. 277]; *Грустя и радуясь звезде, / Спадающей тебе на брови, / Ты сердце выпеснил изде, / Но в сердце дома не построил...* [4, с. 115]. Окказиональный глагол *взвенивать* мотивирован глагольной основой *звенеть* и обозначает действие, направленное на производство высоких и тонких звуков. При этом посредством префикса *вз-* акцентируется интенсивность, резкость и внезапность совершаемого действия. Дериват *обрыдаты* не содержит прямого указания на звук, однако данный признак выступает в качестве сопутствующего при характеристике основного действия (ср.: *рыдаты* – 'громко, судорожно плакать'). Префикс *об-* указывает на широкое распространение

указанного действия. Особый интерес представляет окказионализм *выпеснить* в силу своей ярко выраженной метафоричности. Данный дериват, произведённый по окказиональной словообразовательной модели, используется для выражения значения 'создать посредством песни'. Песня наполняет избу жизнью, превращает её в живой организм. Реализации данного значения способствует использование в рамках метафоры соматизма *сердце* в отношении неживого объекта. Стилистический эффект усиливается также за счёт употребления окказионального глагола в качестве компонента параллельной конструкции, основанной на перевёртывании её отдельных элементов, т. е. хиазма (ср.: *выпеснить сердце избе – построить дом в сердце*).

Окказиональные наречия в меньшей степени представлены в словотворчестве С. Есенина. При этом окказионализмы данной частеречной отнесённости также могут использоваться в качестве средств создания звуковых образов: *Как захожий богомолец, / Я смотрю твои поля. / А у низеньких околиц / Звонно чахнут тополя...* [4, с. 52]. Мы наблюдаем образование наречного деривата со значением образа действия *звонно*, мотивированного опосредованно глагольной основой *звонить*. Чересчур запутанный способ словообразования предполагает наличие промежуточного звена, в нашем примере – прилагательного (ср.: *звонить – звонный – звонно*).

Окказиональные прилагательные также могут использоваться в качестве эпитетов узуальных слов со значением звучания, передавая дополнительные ассоциации: *Под окном от скользких вётел / Перепёльи звоны ветра. / Тихий сумрак, ангел тёплый, / Напоён нездешним светом...* [8, с. 89]. В данном примере мы видим уподобление звука ветра крику перепёлки, который воспринимается как нежный свист. Очень яркий поэтический образ создаётся окказиональным адъективом *обосененный*, используемым для описания тишины: *Сотягченными веками / Я смотрю и смотрю на луну. / Вот опять петухи кукарекнули / В обосененную тишину...* [4, с. 167]. Мы слышим, как многоголосое лето, наполненное разнообразными звуками природы (пением птиц, жужжанием пчёл, стрекотанием кузнечиков, кваканьем лягушек и т. п.) умолкает, т. к. природа готовится к зимнему сну. Лишь листья бесшумно падают на землю, издавая легкое шуршание под ногами.

Следует отметить, что звуковые образы, создаваемые С. Есениным посредством разных языковых средств, включая и окказионализмы, часто сочетаются с другими чувственными образами: запахами, тактильными ощущениями, цветом и т. д. Всё это наполняет поэзию жизнью, добавляет ей особую экспрессию и чувственность. Через разные каналы передачи информации поэт погружает нас в свой мир и позволяет нам его глубоко прочувствовать. Чаще всего наблюдается сочетание звука и цвета: *Щебетнули звёзды месяцу: / «Ой ты, жёлтое ягнятище! / Ты не мни траву небесную, / Перестань бодаться с тучами...* [4, с. 324]; *Не просунет когтей лазурь / Из пургового кашля-смирада; / Облетает под ржанье бурь / Черёнов златохвойный сад...* [4, с. 256] и др. Так, в первом примере посредством звуковых ассоциаций поэт уподобляет звёзды птицам, а добавление эпитета *жёлтый* к субстантиву *ягнятище* способствует зрительному восприятию поэтического образа, в рамках которого луна представлена в виде живого существа. Ранее был упомянут субстантив *гусли-самозвоны*, который в рамках одного контекста употребляется с окказионализмом *шелкопрядный* (ср.: *шелкопрядные поля*). Данный сложный адъектив дополняет сельский пейзаж, создаваемый поэтом, соответствующими осязательными и обонятельными образами. Подобным способом С. Есенин передаёт своё трепетное отношение и любовь.

Заключение

Создание звуковых образов является одним из проявлений «лирического чувствования» С. Есенина. Посредством создания окказионализмов со значением звучания поэт выражает свое индивидуальное звуковосприятие. Окказиональные дериваты, используемые для передачи звуковых ассоциаций, характеризуются разной частеречной отнесённостью и структурной оформленностью. При этом отмечается тенденция к большему употреблению окказиональных субстантивов, мотивированных звукоподражательными глаголами, а также адъективов, функционирующих в качестве эпитетов. Окказиональные новообразования, наделённые тропеической образностью, в рамках единого контекста взаимодействуют с иными тропами и способствуют тем самым созданию сложных образов (ср. уподобление деревенской печи верблюду: *голос громкий, всхлипень зычный, завывание дождевое*). Отмечается склонность поэта к одушевлению неживых объектов через наделение их способностью говорить, петь, играть на музыкальных инструментах, издавать иные звуки, свойственные живым существам (ср.: *молитвословный ковыль*). Созданию комплексных чувственных образов способствует сочетание звуковых, цветовых, осязательных и обонятельных ассоциаций (ср.: *шелкопрядные поля и гусли-самозвоны*).

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Прокушев, Ю. Л. Сергей Есенин / Ю. Л. Прокушев. – М. : Дет. лит., 1971. – 190 с.
2. Захариева, И. Своеобразие эмоционально-образной системы Есенина / И. Захариева // Столетие Сергея Есенина : Международный симпозиум [29 сент. – 3 окт. 1995 г. : материалы / ред.-сост. А. Н. Захаров, Ю. Л. Прокушев]. – М., 1997. – С. 169–194.
3. Сухов, А. В. Музыкальные образы в творчестве С. А. Есенина: мифопоэтика и контекст : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Сухов Алексей Валерьевич ; Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2017. – 18 с.
4. Есенин, С. А. Собрание сочинений : в 2 т. / С. А. Есенин ; сост. Ю. Л. Прокушев ; комментарии Ю. Л. Прокушев. – Минск : Мастацкая літаратура, 1992. – Т. 1 : Стихотворения. Поэмы. – 480 с.
5. Лопатин, В. В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования / В. В. Лопатин. – М. : Наука, 1973. – 152 с.
6. Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка : ок. 1900 словообразов. единиц / Т. Ф. Ефремова. – 2-е изд. – М. : АСТ : Астрель, 2005. – 636 с.
7. Есенин, С. А. Полное собрание сочинений : в 7 т. / С. А. Есенин ; редкол. Ю. Л. Прокушев (гл. ред.) ; Рос. акад. наук. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М. : Наука : Голос, 1995–2002. – Т. 1 : Стихотворения / науч. ред. А. М. Ушаков. – 1995. – 671 с.
8. Есенин, С. А. Собрание сочинений : в 2 т. / С. А. Есенин ; сост. Ю. Л. Прокушев ; комментарии Ю. Л. Прокушев. – Минск : Мастацкая літаратура, 1992. – Т. 2 : Стихотворения. Проза. Статьи. – 384 с.

Поступила в редакцию 28.02.2025

E-mail: irina_kovalevich@list.ru

I. O. Kovalevich

OCCASIONALISMS AS A MEANS OF CREATING SOUND IMAGES
IN THE POETRY OF S. YESENIN

This article is devoted to the study of the features of S. Yesenin's occasional word creation as a way of expressing his individual sound perception. Occasional derivatives with the meaning of sound are analyzed in terms of their part-of-speech attribution and word-formation structure. The ability of occasionalisms of this type to develop additional trope qualities and interact with other tropes within the framework of expanded metaphorical structures has been revealed. It has been established that the creation of complex sensory images is facilitated by the combination of sound, color, tactile, olfactory associations in a single context.

Keywords: occasionalism, word creation, sound image, trope imagery, sound associations, animation.